

УДК 339.9:327.5

DOI: 10.34670/AR.2026.45.98.017

Санкционное давление и его последствия для экономического сотрудничества России и Китая

Чжун Лин

Доктор экономических наук,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: laccier@163.com

Аннотация

Настоящая статья посвящена обзору литературы, официальных сводных данных и статистики, а также отчётов и докладов, позволяющих раскрыть сущность современного экономического сотрудничества России и Китая в парадигме санкционного давления. Поводом для написания работы стал устойчивый западный экспертный и доктринальный дискурс якобы о том, что обращение России к Китаю после введения санкций – это успех санкционного давления, поскольку в средне- и долгосрочной перспективе Россия станет сырьевым придатком Китая, что в конечном итоге ослабит позицию российской экономики. Беря за основу плюрализм подходов, а также официальные эмпирические данные, мы пришли к выводу, что на современном этапе российско-китайские отношения в контексте санкционного давления Запада стали форсированно и тесно развиваться не столько в плоскости интеграции экономик этих стран для обеспечения совместных национальных интересов, сколько в парадигме более глубинной модели прагматичного симбиоза, предполагающей взаимозависимость политики и экономики и наоборот. Такая модель экономического сотрудничества России и Китая на сегодняшний день не просто взаимное экономическое развитие в собственных интересах, а интегрированная в международную политику возможность влиять на сложившийся миропорядок гегемонии и монополярности, испытывающий кризис. Россия и Китай придерживаются смежных позиций относительно противоборства гегемонии Запада в области политики, торговли и финансово-регуляторной системы, намереваясь совместно выстроить предпосылки для строительства многополярного мира, в котором возможность выборочного и внезапного санкционного давления с целью реализации геополитических амбиций отдельного государства, или их союза, попросту недопустима. И как не парадоксально, именно опыт санкционного воздействия стран Запада и их союзников против России, стал ключевым шагом не просто для укрепления и качественного изменения экономического сотрудничества Китая и России, но и отправной точкой для изменения миропорядка, в частности, существующей парадигмы торговых, валютных и иных смежных отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Чжун Лин. Санкционное давление и его последствия для экономического сотрудничества России и Китая // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 12А. С. 179-197. DOI: 10.34670/AR.2026.45.98.017

Ключевые слова

Гегемония, монополярность, многополярность, санкции, санкционное давление, импорт, экспорт, торговый оборот, динамика торговли, инвестиции, международные отношения, внешняя торговля.

Введение

С момента активного санкционного давления в отношении Российской Федерации (далее по тексту – РФ) и её союзников прошло уже почти 4 года, а если рассматривать практику политического влияния на внутренние и внешние дела российского государства посредством экономической блокады и иных ограничений в более широком временном промежутке, то можно с уверенностью сказать, что Россия находится под санкциями более 11 лет после присоединения Республики Крым в состав РФ.

Несмотря на то, что тот же Иран находится под аналогичным санкционным давлением коллективного Запада уже более 40 лет, всё же, даже временной промежуток в 4 года, который отражает характер и последствия санкционного воздействия на экономику и политический уклад РФ, может показать не менее ценный опыт адаптации российской экономики под реалии глобальных внешнеполитических ограничений.

Как отмечают эксперты, если первые годы санкционного воздействия на российскую экономику после начала специальной военной операции (далее по тексту – СВО) могут быть охарактеризованы как «цунами», то на сегодняшний день более уместно говорить о «плато» в связи с достижением «потолка» возможной реализации рычагов и механизмов внешнеэкономического воздействия на Россию [Тимофеев, 2023].

Многолетний опыт активной перестройки и адаптации экономических механизмов и процессов, в том числе диверсификация ресурсов экономического производства, а также налаживание устойчивых экономических связей и образование целых международных альянсов на основе экономико-политического базиса, показал, что при грамотной политике в области международных отношений и экономических связей санкции могут оказать не только дестабилизационный характер, но и даже наоборот – сказаться позитивным образом на развитии более выгодных экономических отношений, на самостоятельное развитие национальной экономики и обеспечение экономической безопасности государства [Гедгафов, Васильев, 2024, с. 86].

Опыт периода 2022-2025 гг. кроме того прекрасно показывает политическому руководству РФ, что некогда сложившийся миропорядок политического и экономического управления с центром управления в странах Запада, в том числе в Великобритании и США, на сегодняшний день испытывает кризис.

Международно-правовое регулирование торговых и финансовых отношений между странами, развитие межгосударственных экономических связей в структурах международных организаций, которые преимущественно придерживаются европейской и западной политики, после событий 2022 года показало своё нутро, отражающее на самом деле не демократический и равный подход ко всем участникам международного рынка, сколько инструмент для вмешательства в суверенность других стран, а также такой механизм для манипуляций согласно формируемой политики Запада.

Это означает, что некогда мнимое представление об устойчивости экономических связей и иных партнёрских отношений со странами Европейского Союза и Запада в целом на

сегодняшний день рушится смотря на то, как страны коллективного Запада и их союзники вопреки правилам и нормам международного-права, а также регламентам функционирования международных экономических и политических организаций, искусственно ограничивают возможность участия России и её союзников в международном торговом и финансовом обороте, тем самым ограничивая их потенциал экономического развития.

Сегодняшнее время для международной экономики и такой национальной экономики России – переломный момент. Не только Россия, но и также её союзники и потенциальные партнёры в лице Бразилии, Индии, Китая, ОАЭ и ряда стран Дальнего Востока и Центральной Азии при прогнозировании экономической политики, партнёрских отношений, а также рисков и угроз, закономерно ставят под вопросом возможность повторного прямого или косвенного санкционного давления на эти страны по сценарию 2022 года, тем самым «пугая» не только бизнес-сообщество, но и также политическое руководство этих стран к дальнейшему налаживанию буквально единственных, но столь неустойчивых в нынешних реалиях экономических и политических связей с Западом [Тимофеев, 2024].

Как справедливо отмечают эксперты, такой переломный момент связан не только с переориентацией подходов к дальнейшему налаживанию устойчивых и при этом наиболее приемлемых, эффективных экономических отношений, но и также в целом с переделом международного рынка, с фундаментальным изменением подходов к организации межгосударственных экономических связей, а также с изменением монополярного мира в вектор многополярности, равноправия, стабильности и устранения гегемонистского воздействия (в том числе и посредством санкционного давления) [Тимофеев, 2024].

Опыт санкционного воздействия и его последствия для экономической ситуации в России может и должен быть взят за основу современного передела миропорядка, а такая практика налаживания экономического сотрудничества России и Китая – за основу положительного опыта переориентации каналов сбыта и импорта в достаточно сжатые сроки без особой потери экономического эффекта для национальной экономики России и без таких угроз её национальной безопасности.

Цель исследования: оценить характер санкционного давления коллективного Запада и его союзников на российскую экономику, а также исследовать последствия такого давления на выстраивание межгосударственных экономических отношений между Россией и Китаем.

Гипотеза исследования: санкционное давление, как ожидалось, оказало не столько дестабилизационный и регрессивный эффект на экономическое развитие и интеграцию российской экономики в международную торговлю, сколько наоборот положительный эффект к выстраиванию более выгодных и стабильных экономических связей с Китаем и другими союзниками, что позволило использовать санкции как специфическую точку экономического развития и обеспечения экономической безопасности РФ.

Структура исследования: во втором разделе статьи рассматриваются различные теоретические и практические подходы отечественных и зарубежных исследователей относительно вопроса результативности и эффективности санкционного давления на российскую экономику, а также касаясь того, как санкции повлияли на налаживание новых экономических связей России с Китаем.

В третьем разделе отражается методология и эмпирическая основа для дальнейшей самостоятельной разработки проблематики темы научной статьи. Четвёртый раздел посвящён анализу таких статистических, иных сводных и других практических материалов, отражающих эффект санкционного давления на российскую экономику, в том числе, такие эмпирические

данные, позволяющие отразить динамику и характер экономического сотрудничества России и Китая. Пятый раздел исследования посвящён обобщению полученных ранее результатов, в частности, в рамках их сопоставления с теми позициями, которые были отражены в обзоре литературы. В заключении обобщаются и резюмируются основные выводы и формируются перспективы дальнейшего экономического сотрудничества России и Китая в эпоху санкционного воздействия Запада и их союзников.

Обзор литературы

Для начала кратко отразим существующие теоретические подходы к пониманию сущности санкций и возможного вектора их применения. Так, ряд американских исследователей, в том числе Ю. Читао и Ко. Джереми отмечают, что санкции в современном мире – это в первую очередь инструмент политического воздействия через манипулирование экономическими процессами и механизмами. Они отмечают, что санкции хоть и первично воздействуют посредством ограничения экономических возможностей того или иного государства, всё же, нацелены именно на создание таких неблагоприятных, в том числе дестабилизационных условий для национальной экономики, которые в конечном итоге сподвигнут политическое руководство страны к изменению политического вектора публичного управления для повышения лояльности и отмены санкций государствами-инициаторами [Jeremy, Chitao, 2024].

Достаточно смежной позиции придерживается и российский учёный И.Н. Тимофеев, отмечающий, что экономические санкции, как международно-правовой инструмент регулирования, ставят своей целью ограничить доступ государственной экономики к международным благам, связям, финансовым механизмам и технологиям для понуждения к прекращению дальнейших нарушений международного права, международных или межгосударственных договорённостей [Тимофеев, 2018, с. 27].

Другие исследователи, к подходу которых относятся М. Клинова и Е. Сидорова, считают, что санкционное давление – это легитимное средство регулирования политических и экономических внутригосударственных и международных отношений, тем самым может рассматриваться и в концепте «мягкой силы». Они отмечают, что в отличие от военных мер, диверсионной деятельности и иных насильственных мер воздействия, страны-инициаторы санкций не вмешиваются в абсолют суверенитета государства, при этом оказывая воздействие в рамках легальных возможностей межгосударственного и международного сотрудничества [Клинова, Сидорова, 2024, с. 67].

Как нам кажется, такая точка зрения достаточно опрометчива, поскольку не отражает реальную функциональную возможность влияния санкций на политические, социально-экономические, геополитические и иные процессы, как во внешних, так и во внутренних делах отдельно взятого государства. Не малое количество авторов считают, что эффект от санкций не столь разрушительный и фатальный, нежели от ранее озвученных форм насильственного воздействия [Мищук, Шевель, 2021, с. 206], однако при глубинном анализе последствий практики применения санкций, можно прийти к обратному выводу.

К примеру, взять опыт санкционного давления США и некоторых её союзников в отношении Венесуэлы, политическое руководство которой отказалось от навязываемого сотрудничества с Америкой на рынке нефти и нефтепродуктов [Львова, 2022, с. 45]. Некогда самая богатая страна Южной Америки, а также государство, которое входило в двадцатку самых

богатых стран мира по данным 1970 года, ежегодно набиравшая темпы экономического роста, стала одной из самых бедных стран современного мира вследствие санкционного давления.

Конечно, в усилении экономической деградации Венесуэлы способствовали и такие факторы как коррупция, а также отсутствие достаточной диверсификации экономического производства, но всё же, основным триггером спада национальной экономики и обеднения населения выступили санкции [Курочкина, 2022].

Другой пример – Иран. Также некогда процветающее в социально-культурном, экономическом и политическом плане государство из-за конфликта на почве рынка сбыта нефти, попало под санкционное давление и на некоторое время впало буквально в Средневековье. И несмотря на то, что за последние 40 лет Ирану удалось относительно стабилизировать свою экономику и наладить собственное производство, в частности создать собственную финансовую систему в условиях абсолютной экономической блокады, всё же, за последние 5 лет в стране ежегодно растёт инфляция в среднем на 47% [Trading Economics, www...], а доля рынка сбыта нефти, как основного ресурса её экономики, за последние 5 лет снизилась на 80% [ОПЕС, www...].

Ещё один пример – это санкционная политика Франции и ряда других стран Европейского Союза в отношении Центральноафриканской Республики и Мали, в которых санкциями западное сообщество пытается свергнуть недемократические и коррупционные политические режимы. Однако многолетний опыт показывает, что экономические санкции никоим образом не смогли повлиять на изменение политического режима в этих странах, в то время как мирное население, страдающее от ежегодного спада экономики на 4,8% в год, вынуждено обращаться к нелегальным, в том числе военным формам заработка ресурсов и денежных средств для банального выживания, тем самым лишь поддерживая действующие политические режимы. Некогда итак бедные страны Африки, которые были вовсе ограничены европейскими рынками сбыта, столкнулись с экономической стагнацией и регрессом, повлёкшим за собой социально-экономическое обеднение этих стран [Шарова, 2019, с. 51].

Таким образом, резюмируя краткий обзор возможного эффекта воздействия санкционного давления, можно отметить позицию авторов о том, что санкции – это «мягкая сила», а последствия от их применения не столь разрушительны и критичны. Возможно, в краткосрочной перспективе это и так, однако в долгосрочной парадигме, как бы это не казалось парадоксально, санкции могут оказать более губительное влияние, нежели те же кратковременные войны по характеру и с точки зрения статистических данных.

От усилившейся бедности, вызванной санкциями, может погибнуть больше людей, чем от войн и военных операций, а возможность социально-экономического восстановления, как показывает мировой опыт санкционного влияния, отстранивается ещё на долгие десятилетия. И опыт Мали, Центральноафриканской Республики, Ирана, Венесуэлы и других стран, пострадавших от практики санкционного воздействия – тому печальный пример.

Именно поэтому, говоря о том, что экономические санкции не ставят своей целью нанесение ущерба, поскольку в обратном случае это бы означало нарушение фундаментальных основ международного права (в том числе принципов невмешательства, гуманизма, солидарности и международного сотрудничества) [Карпиленя, 2020, с. 49], можно сказать о том, что такое высказывание цинично и прикрывает губительные намерения, поскольку в любом случае санкции могут оказать катастрофическое губительное воздействие на ключевые сферы национальной безопасности государства и в особенности на её экономику.

Более правильно говорить о треугольной сущности воздействия санкций. С одной стороны санкции действительно могут рассматривать как легитимное средство политического воздействия через экономическую составляющую, но лишь при условии, что ограничительные меры применяются на равных условиях по отношению ко всем субъектам, которые нарушают нормы международного права, такие международные договорённости и иные межгосударственные соглашения. То есть фактор легитимности может иметь место быть лишь в случае, если применение санкций не прикрывает иные намерения инициаторов, а равно, если такие санкции применяются в регламентированной процедуре без всякого понуждения других стран к поддержке санкционной политики [Pala, 2021, с. 240].

Вторая сущность санкционного вмешательства – это когда санкции хоть и используются первично для изменения вектора политических решений того или иного государства, всё же, применяются в практике санкционного давления выборочно и вне правил основ международно-правового регулирования. Подобная практика нередко также характеризуется возможностью принуждения акторами санкционной политики своих союзников и других стран, придерживающихся нейтральной позиции относительно спорной ситуации, к полной или частичной поддержке санкционного давления.

В данном ключе показательным является опыт понуждения Америкой Южной Кореи, Японии и даже Китая либо к прямым мерам ограничительного воздействия, либо к косвенной поддержке санкционной политики посредством не содействия политики адаптации подсанкционного государства [Агабабаев, 2023, с. 57; D-Russia, www...].

Таким образом, на сегодняшний день такой подход, когда санкции хоть и используются первично для изменения вектора политических решений того или иного государства, всё же, применяются в практике санкционного давления выборочно и вне правил основ международно-правового регулирования, достаточно характерен в рамках санкционного давления российского политического руководства, хотя здесь же прослеживаются и отдельные характерные элементы третьей сущности.

Третья сущность санкционного вмешательства – это изначальное намерение применения санкций для ослабления государства через её социально-экономическую составляющую в целях снижения её экономической, а значит и политической роли в мировом регулировании. При таком подходе санкции, якобы как благое намерение стабилизации миропорядка и поддержка демократических ценностей, умышленно маскируются под инструмент дестабилизации.

Говоря иными словами, изначальная цель применения санкций – не изменение деструктивного политического курса, нарушающего публичные интересы других стран, а ослабление экономической составляющей государства и его ослабление в целом, что, конечно же, является нарушением суверенности. Такой сущностный подход, по мнению А. Папазян, в большей мере свойственен для практики санкционного давления США, Великобритании, Франции и их союзников в отношении Ирана, Ирака, Кубы, Венесуэлы и ряда других стран [Папазян, 2023].

Итак, определив понятие и сущность возможного функционального применения санкций на основе существующего мирового опыта санкционного воздействия на различные страны, следует отразить теоретические подходы в экспертном сообществе и научной литературе относительно эффективности санкционного воздействия на российскую экономику и то, как такие ограничительные меры повлияли на экономическое сотрудничество России и Китая.

Интересно то, как подходы менялись в момент наибольшего пика санкционного воздействия в 2022-2023 гг. к моменту достижения точки адаптации российской экономики в 2024-2025 гг.

Прежде как в отечественной, так и зарубежной литературе презюмировалось, что санкции однозначно ограничат развитие ключевых отраслей национальной экономики и в особенности скажется разрушительно на малом бизнесе.

К примеру, исследователи Е.Г. Любовцева и И.А. Гордеева писали, что российской экономике в условиях всесторонних ограничений как международного, так и внутрирыночного уровня, навряд ли получится адаптироваться в сжатые сроки, в связи с чем на восстановление может понадобиться не один год, а возможно и десятилетие [Любовцева, Гордеева, 2022, с. 8]. Они же ссылались якобы на наличие сложностей в дальнейшем экономическом сотрудничестве с Китаем, который в условиях отсутствия альтернатив у российской экономики, намерен эксплуатировать её как свой сырьевой придаток.

Аналогичная позиция прослеживается и в работе О.В. Кириллова, отмечающего, что Россия на пороге санкционного воздействия находилась в слабой переговорной позиции при налаживании стратегических экономических связей с новыми партнёрами, в связи с чем экономическое сотрудничество России и Китая возможно лишь на условиях слабой и сильной стороны, где последняя очевидно будет навязывать свои позиции [Кириллова, 2022, с. 33].

Схожая риторика отмечается и в труде Ю.В. Кулинцева, отмечающего, что в эпоху санкционного воздействия коллективного Запада и переориентацией российской экономики на рынок импорта и сбыта Китая, политическое руководство России приговаривает себя к кабале и превращению некогда суверенной российской экономики в китайский сырьевой придаток [Кулинцев, 2021, с. 243].

Таким образом, в основном вектор ожиданий и первоначальной оценки результативности санкционного давления на российскую экономику в первые годы реализации западной санкционной политики оценивался если не крайне критично, то по крайней мере достаточно пессимистично [Михалева, 2022, с. 1082], в особенности при постановке вопроса обретения ещё большей зависимости от Китая, Индии и других возможных экономических партнёров, в которых искали новые рынки сбыта и поставок.

Доктринальная и политическая риторика такого рода до сих пор прослеживается и в зарубежном научном, экспертном и политическом пространстве. Одни зарубежные авторы отмечают, что Россия стала одной из самых зависимых экономик от Китая, уступая только Северной Корее [John, 2024], другие отмечают, что после санкционного давления и обращения Москвы на Восток экономическое сотрудничество России и Китая стало несбалансированным в связи с использованием первого юаня для международной торговли, а также китайских национальных платёжных систем в такой торговле, при том, что китайские инвесторы сократили своё присутствие в России из-за риска западных санкций [Chabarovskaya, 2025].

Однако нельзя не заметить, что всё чаще в зарубежном пространстве всё больше высказываются более комплексно и не так однобоко о влиянии санкций на модель и характер экономического сотрудничества России и Китая. К примеру, научный сотрудник Института международной экономики Петерсона Э. Рыбакова в своём обзоре пишет, что Китай хоть и предоставляет важнейшие рынки для российского экспорта, а также доступ к критически важным ресурсам, всё же, Россия для Китая играет второстепенную роль. С одной стороны, для Китая Россия является выгодным партнёром, а с другой стороны – не обязательным, поскольку она использует торговые связи, не принимая на себя обязательств по глубокому и полноценному партнёрству [Ribakova, 2025, с. 135].

Таким образом, по итогу обзора литературы и иных источников зарубежного толка можно прийти к выводу, что как на начало реализации санкционной политики, так и на сегодняшний

день прослеживается явно негативный дискурс относительно экономического сотрудничества России и Китая. Зарубежная повестка транслирует, а научная литература как бы подтверждает, что хоть санкционным воздействием и не удалось в краткосрочной перспективе добиться ослабления и изоляции российской экономики, всё же, в долгосрочной перспективе за счёт переориентации России на Восток и добровольного принуждения своей экономики к невыгодному экономическому сотрудничеству с Китаем, представляется возможным достичь желаемого эффекта от санкционного давления.

В отечественной же научно-практической среде подходы более реальны и основаны не столько на поддержке той или иной политической повестки, сколько на «сухих» фактах и контекста экономической обстановки, такого контекста реального положения дел в сфере экономического сотрудничества России и Китая. Дальнейшее исследование будет посвящено собственному обзору влияния санкционной политики коллективного Запада на характер экономического сотрудничества России и Китая.

Информационная база и методология исследования

Методологию разработки проблематики исследования определили следующие методы научного познания: анализ; обобщение; конкретизация; восхождение от общего к частному; абстрагирование; синтез; комплексный анализ эмпирических данных; сравнение; контент-анализ; позитивный анализ; дидактический; функциональный; и др.

Информационная база исследования отражена в официальных статистических и иных сводных данных Центрального Банка России, Министерства экономического развития РФ, аналогичных государственных и финансовых структур Китая, а также в официальных отчётах и докладах, отражающих динамику и состояние экономического сотрудничества России и Китая за последние 5 лет.

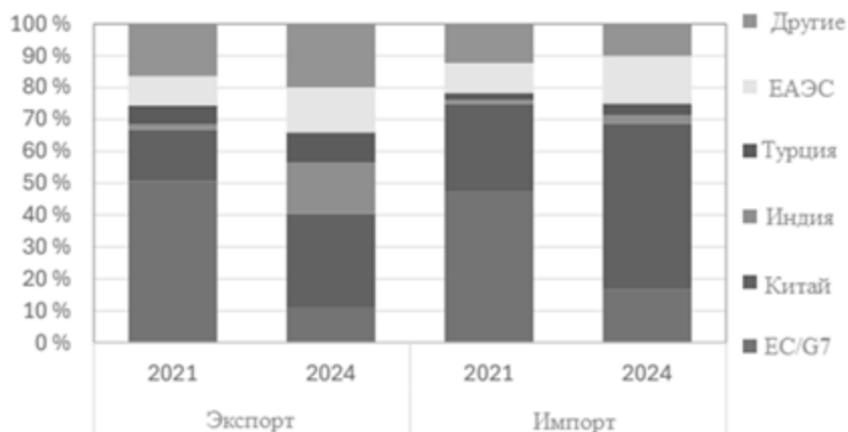
Результаты исследования

Итак, отразим основные последствия влияния санкционного давления на экономическое сотрудничество России и Китая. Так, согласно данным Центрального Банка Финляндии, в 2021 году около 50% доли всего рынка экспорта товаров и услуг из России составляли страны Европейского Союза и «Большой Семёрки», в то время как Китай в данной статье занимал лишь 16%. В импортных отношениях доля импорта из Китая в Россию составляла порядка 28% в 2021 году, в то время как страны ЕС и «Большой Семёрки» всё также лидировали с отрывом (около 47%).

По итогам 2024 года ситуация изменилась: доля экспорта в Китай из России выросла до 28%, а показатели импорта из Китая в Россию выросли с 28% до 52% (Рис.1).

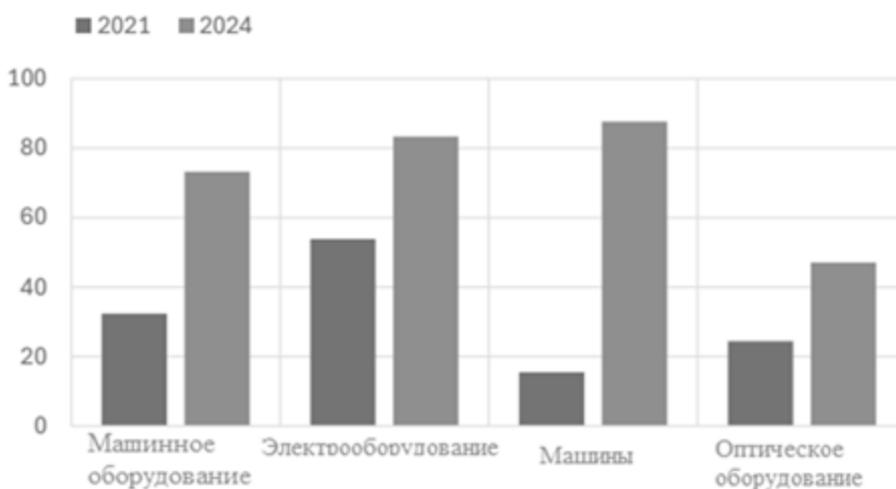
Увеличилась за исследуемый период и доля Китая в российском импорте технологической продукции. Импорт китайского механического оборудования вырос с 25% в 2021 году до 72% в 2024 году, электрооборудования – с 55% до 83%, транспортных средств – с 17% до 86%, а оптического оборудования – с 24% до 48% (Рис. 2).

Действительно прослеживается и увеличение доли использования в российской экономике для международных расчётов юаня. И если в экспортных отношениях на 2022 год около 85% всех транзакций осуществлялось за счёт евро и долларов, а юань занимал порядка 2-3%, то к 2024 году этот показатель снизился до 16% для евро и доллара, в то время как доля юаня выросла до 32%. Достаточно смежные сподвижки прослеживаются и в структуре импортных отношений (Рис. 3)

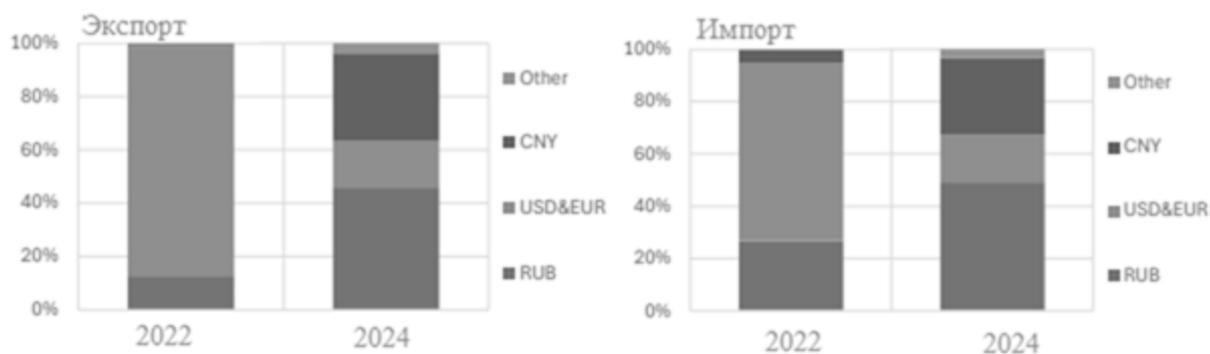
Источник: Официальный обзор Центрального Банка Финляндии [Simola, 2025]

Рисунок 1 – Географическое распределение внешней торговли России в 2021 и 2024 годах

Источник: Официальный обзор Центрального Банка Финляндии

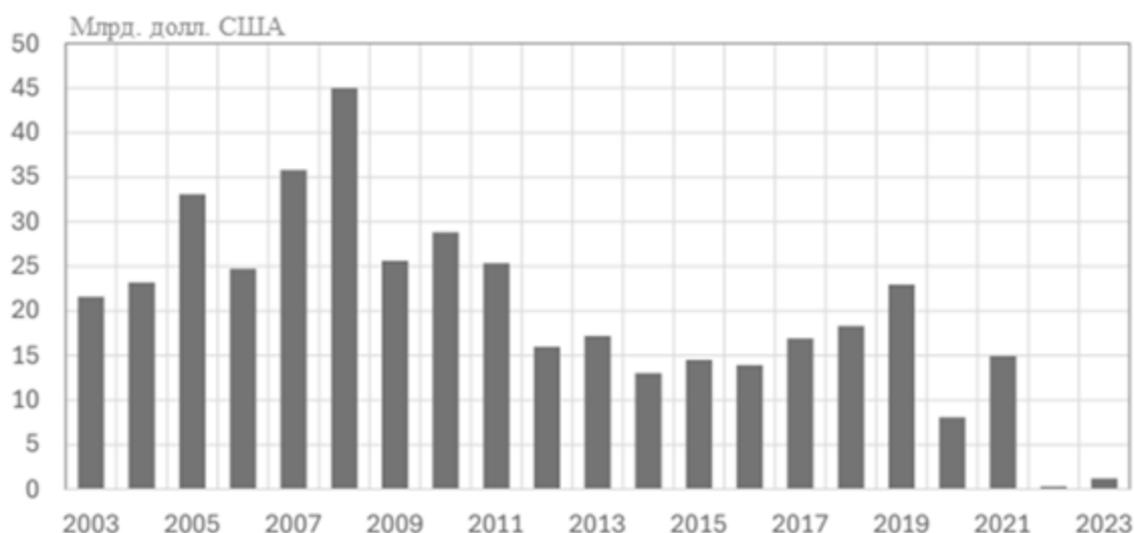
Рисунок 2 – Доля Китая в российском импорте технологической продукции в 2021 и 2024

Источник: Официальный обзор Центрального Банка Финляндии

Рисунок 3 – Валюты счетов-фактур во внешней торговле России в 2022 и 2024 годах

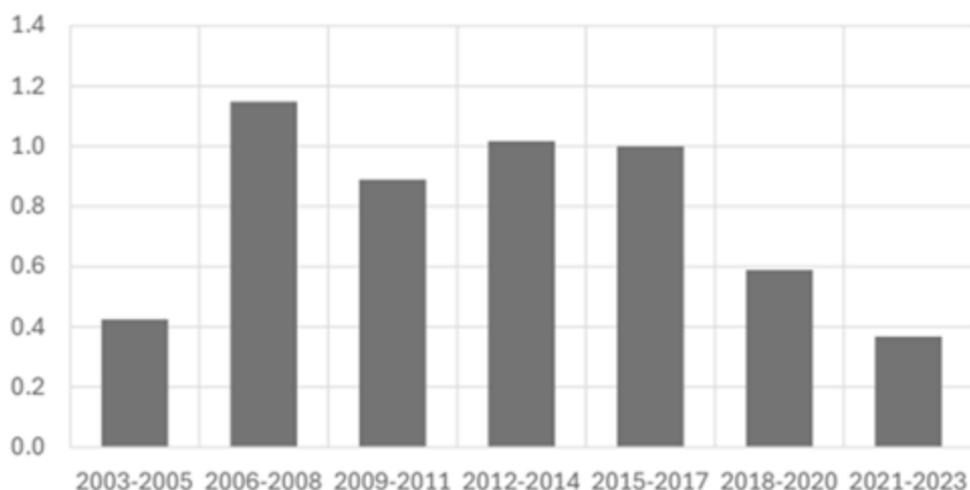
По данным официального обзора Центрального Банка Финляндии прослеживается также изменение структуры инвестиционных отношений. Так, с 2021 года к концу 2022 года инвестиции Китая в развитие российской экономики снизились с 15 млрд. долл. США до рекордного 1 млрд. долл. США, хотя и к 2023 году этот показатель вырос всего до 2,5 млрд. долл. США (Рис. 4):

Источник: Официальный обзор Центрального Банка Финляндии

Рисунок 4 – Стоимость новых инвестиционных проектов Китая в России в 2003-2023 гг.

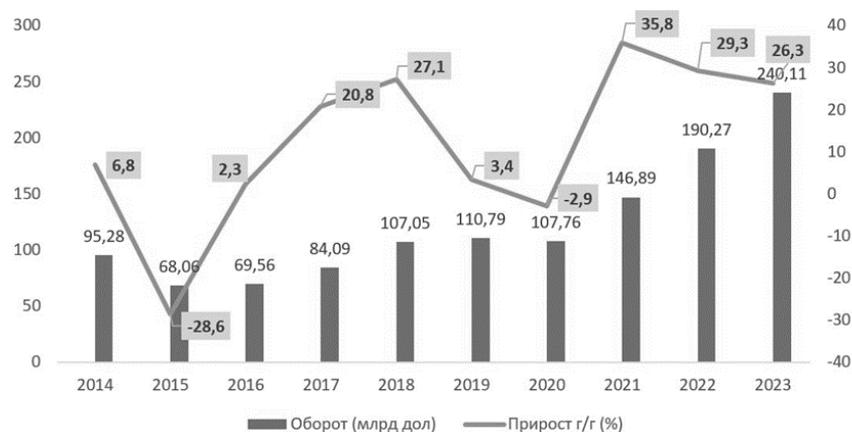
Справедливо отметить и обратный эффект, связанный с сокращением инвестиционных проектов России в отношении Китая. И если до санкционного давления доля участия России в инвестициях китайской экономики составляла порядка 0,6%, то к концу 2023 года снизилась до 0,37% (Рис. 5):

Источник: Министерство торговли Китая

Рисунок 5 – Доля России в совокупном объеме прямых иностранных инвестиций в китайскую экономику, 2003-2023 гг.

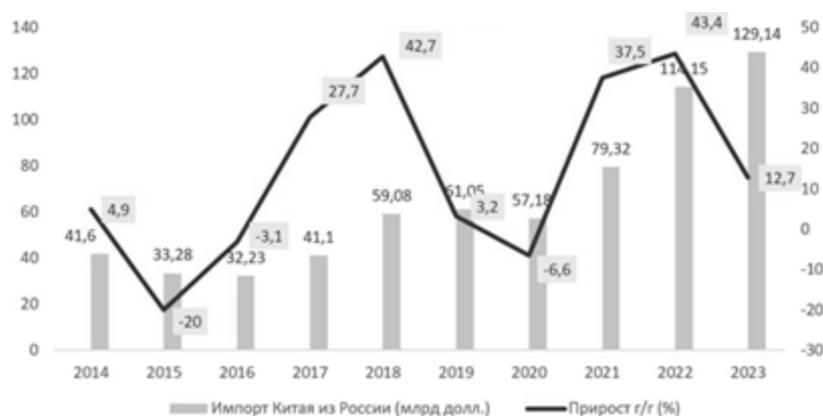
Согласно другим данным таможенной статистики Китая, можно отметить, что положительная динамика китайско-российской торговли после санкционного давления прослеживается, хотя нельзя не заметить и тот факт, что прежде в отдельные эпизоды отмечались достаточно смежные показатели роста экономического сотрудничества. С 2014 к 2021 году оборот торговли между Китаем и Россией вырос с 95,3 до 146,9 млрд. долл. США, в то время как к 2023 году этот показатель устойчиво вырос до 240,11 млрд. долл. США со средним ежегодным приростом в 29,5% (Рис. 6):

Источник: Таможенная статистика КНР [General Administration of Customs of the People's Republic of China, www...]

Рисунок 6 – Динамика китайско-российской торговли за 2014-2023 гг.

На основе этих же данных можно отметить и другую реальность санкционного давления для экономического сотрудничества России и Китая. Не только китайский экспорт вырос в Россию, как об этом говорится в зарубежных источниках и официальных экономических обзорах, но и также российский импорт значительно вырос в структуре торговых отношений с Китаем. Для сравнения, если в период 2014-2020 гг. показателя импорта из Китая в Россию в среднем находился в пределах +5%, а в некоторые года отмечался регресс до -20%, то в 2022 прирост составил 43%, а в 2023 году – 12,7% (Рис. 7).

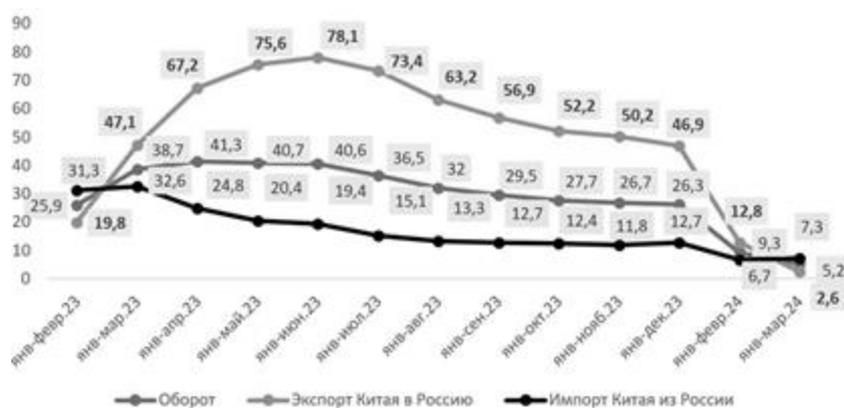

Источник: Таможенная статистика КНР

Рисунок 7 – Динамика китайского импорта из России за 2014-2023 гг.

Конечно, говорить о выстраивании равноправных торговых отношений России и Китая навряд ли представляется возможным, однако, всё же, при детальном исследовании российских и китайских данных можно проследить, что не о какой зависимости российской экономики от Китая, и уж тем более о том, что экономическое сотрудничество этих двух стран в условиях санкционного давления выстроено лишь на импорте китайской продукции в Россию, на современном этапе нельзя говорить.

Более того, как отмечают ведущие экономические специалисты из России, в сложившейся политико-экономической обстановке, начиная с 2024 года и на сегодняшний день, прослеживается коррекция двусторонних торгово-финансовых отношений. В условиях насыщения российской экономики китайскими товарами, происходит снижение их импорта при совокупном увеличении доли российской продукции на китайском рынке (Рис. 8):

Источник: Цыплаков С. Об основных трендах развития торговли России и Китая [Цыплаков, 2024]

Рисунок 8 – Динамика торговли между Россией и Китаем за 2023-2024 гг.

Здесь же следует отразить и отдельные результаты экономического сотрудничества России и Китая по некоторым отраслям, которые стали быть возможными в связи с переориентацией России на рынок Китая после начала массового санкционного давления Запада. Во-первых, это налаживание стратегических отношений двух стран в области атомной энергетики. Так, в 2023 году была подписана межгосударственная программа развития взаимодействия в сфере атомных технологий до 2030 года, предполагающая тесное научно-техническое сотрудничество научных центров Китая и России в области взаимного развития технологий атомной энергетики, а также совместное их участие в строительстве прогрессивных проектов атомной энергетики [ТАСС, www...; Коммерсант, www...].

Во-вторых, это наращивание потенциала экономического взаимодействия в области сельского хозяйства. Взаимная торговля двух стран за 2024 год уже выросла почти на 34%, при этом отмечается значительная доля участия именно России в поставку продукции. За 2024 год было поставлено в 2,4 раза больше сельскохозяйственной продукции, нежели в 2023 году, при этом на сегодняшний день доля России в импорте такой продукции Китаем занимает 21% (в 2021 году – 13,5%) [ТАСС, www...; Национальное аграрное агентство, www...].

В-третьих, нельзя обойти стороной и реализацию инфраструктурных проектов с целью глубокой экономической интеграции России и Китая. Так, было осуществлено строительство железнодорожной линии и инфраструктуры между двумя странами через реку Амур, автомобильного моста между Благовещенском и Хэйхэ.

В-четвёртых, сотрудничество в области валютно-финансовых отношений, в том числе использование юаней в качестве валюты для международных расчётов – это не столько фактор риска для российской экономики как об этом говорят зарубежные исследователи, сколько инструмент диверсификации рисков в условиях санкционного воздействия. Ведь как показал опыт 2022 года, доллар и евро, некогда характеризовавшие себя как стабильная валюта для международных расчётов, вдруг оказались неплатёжеспособным средством для России и других стран в отношении расчётов с Россией.

В-пятых, следует отметить и структурное изменение инвестиционных отношений. Конечно, в объёмах инвестиции Китая в российскую экономику снизились (из-за рисков введения вторичных санкций в отношении китайской экономики), однако, изменился подход к инвестированию. Если прежде инвестиции осуществлялись в малый и средний бизнес, то сегодня – это реализация крупных публичных проектов, которые затрагивают инфраструктурное развитие городов России, в частности, строительство аэропортов, морских портов, сетей метрополитена, а также развитие российской IT-инфраструктуры, интегрированной под стандарты взаимодействия со странами Азии.

В конце концов, это взаимное сотрудничество в стратегической сфере космоса, где российско-китайское партнёрство осуществляется в направлении планирования строительства Международной научной лунной станции с АЭС к 2033-2035 гг. [РБК, [www...](#)].

Обсуждение результатов

Итак, обобщая полученные результаты исследования можно отметить, что научное и экспертное сообщество различных стран по-разному экстраполирует современную обстановку экономического сотрудничества России и Китая вследствие воздействия санкций Запада. Западное сообщество говорит о том, что Россия якобы была вынуждена обратиться к Китаю и на сегодняшний день «подседа на сырьевую иглу», а также в целом стала китайским придатком.

Свою позицию зарубежные источники, во-первых, объясняют тем, что Россия заменила доллар и евро в международных расчётах на юань, что якобы ставит Россию в зависимость не только от колебаний юаня, но и также от возможности манипуляций со стороны китайского правительства в отношении данной валюты персонально по отношению к России. Однако эти же авторы и эксперты упускают важную деталь, связанную с тем, что до 2022 года России находилась ещё в более «зависимом» по их же логике состоянии, поскольку доля евро и доллара в международной торговле России составляла целых 85% против 32% доли юаня на сегодняшний день.

По прогнозам Российско-китайского научно-исследовательского центра цифровой экономики, риск того, что юань станет альтернативной версией доллара или евро для российской экономики крайне низок в связи с тем, что при проведении параллели этих валют, можно отметить, что юань, интегрированный в китайскую экономику, не обладает и не может обладать той же глубиной и открытостью финансовых рынков, в том числе конвертируемостью данного вида валюты.

Эксперты дополняют, что сдвиги в структуре международных расчётов России с превалированием юаня не имеют угрозы гегемонии юаня над долларом или иной валютой, в то время как для России рост востребованности юаня – это возможность минимизировать возможные риски, связанные с принудительным ограничением коллективного Запада на международные расчёты долларами и евро [Алиев, Сяо, Рязанова, 2024, с. 32].

Второй спорный момент касает приведенных позиций и эмпирических данных – это снижение инвестиционной активности Китая по отношению к России. Номинально – это действительно так, однако следует понимать истинную природу таких последствий. К главному фактору снижения инвестиционных вложений Китая в российскую экономику можно отнести угрозы США и коллективного Запада в целом по введению в отношении экономики Китая санкций в случае, если последний будет инвестировать в экономику России, в частности, осуществлять поддержку военно-промышленного и инновационно-технического комплекса [РБК, www...].

Как следствие, снижение инвестиционной активности в партнёрских отношениях Китая и России является следствием косвенной санкционной политики того же коллективного Запада, не желающего, чтобы Китай прямо или косвенно поддерживал развитие российской экономики. Это, однако, как и было отмечено в исследовании ранее, не мешает России и Китаю заключать и реализовывать стратегические программы в области атомной энергетики, космоса, науки, а также в сфере развития межгосударственной транспортной инфраструктуры.

Не менее спорный тезис о том, что столь тесная интеграция России в экономическое сотрудничество с Китаем чревата диктованием последним в отношении России своих торговых и финансово-регуляторных условий вследствие превалирования импорта в Россию незаменимых китайских товаров и поставки из России в Китай сырья. Это не так, поскольку, как и было отмечено прежде, Россия лидирует в двусторонних торговых отношениях в области сельского хозяйства, поставки химической продукции и удобрений, а также такой поставки делателей и технологий из области атомной энергетики [Чанцзюнь, Колесов, 2022, с. 98].

Заключение

Резюмируя всё вышеизложенное, следует заметить, что российско-китайские отношения в контексте санкционного давления Запада стали форсированно и тесно развиваться не столько в плоскости интеграции экономик этих стран для обеспечения совместных национальных интересов, сколько в парадигме более глубокой модели прагматичного симбиоза [Peter, Sumit, Saber, 2024], предполагающей взаимозависимость политики на экономики и наоборот. Говоря иными словами, политический контекст влияет на характер выстраиваемых двусторонних отношений, в то время как экономические взаимоотношения зависят на основе политических ожиданий, рисков, угроз и ответственности этих двух государств.

Модель экономического сотрудничества России и Китая не просто взаимное экономическое развитие в собственных интересах, а интегрированная в международную политику возможность влиять на сложившийся миропорядок гегемонии и монополярности, испытывающий кризис. Россия и Китай придерживаются смежных позиций относительно противоборства гегемонии Запада в области политики, торговли и финансово-регуляторной системы, намереваясь совместно выстроить предпосылки для строительства многополярного мира, в котором возможность выборочного и внезапного санкционного давления с целью реализации геополитических амбиций отдельного государства или их союза попросту недопустима.

И как не парадоксально, именно опыт санкционного воздействия стран Запада и их союзников против России, стал ключевым шагом не просто для укрепления и качественного изменения экономического сотрудничества Китая и России, но и отправной точкой для изменения миропорядка, в частности, существующей парадигмы торговых, валютных и иных смежных отношений.

Библиография

1. Агабабаев М. С. Южная Корея и Тайвань как часть американского санитарного кордона в Азии // Достижения в науке и образовании 2023: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 10 апреля 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 55-58.
2. Алиев М., Сяо Ю., Рязанова С. Механизмы дедолларизации КНР в рамках стратегии интернационализации юаня // Российско-китайский научно-исследовательский центр цифровой экономики. 2024. №98. 44 с.
3. Гедгафов М.А., Васильев П.П. Санкции как точки роста для развития деятельности малого и среднего предпринимательства // Инновационная наука. 2024. №4. С. 84-87.
4. Карпиленя Н.В. О принципах международных отношений и последствиях нарушения базового из них – баланса сил на военную безопасность союзного государства // Архонт. 2020. №3 (18). С. 42-59.
5. Кириллова О. В. Особенности экономического диалога России и Китая // Современные экономические процессы. 2022. №1. С. 30-39.
6. Клинова М., Сидорова Е. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопросы экономики. 2024. №12. С. 67-69.
7. Кулинцев Ю. В. Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. №26. С. 242-255.
8. Курочкина Б. Насколько опыт Венесуэлы в преодолении санкционного давления можно считать успешным? // Российский совет по международным делам. 2022. №10. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/b-kurochkina/naskolko-opyt-venesuely-v-preodolenii-sanktsionnogo-davleniya-mozhno-s/> (дата обращения: 01.09.2025).
9. Львова А.О. Политический кризис в Венесуэле: экономические последствия и возможные пути решения // Кронос. 2022. №64. С. 42-46.
10. Любовцева Е.Г., Гордеева И.А. Влияние санкций на развитие экономики России: возможности и ограничения // Oeconomia et Jus. 2022. №3. С. 8-14.
11. Михалева М. В. Влияние санкций на российскую экономику // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 52. С. 1080-1083.
12. Мищук А. С., Шевель П.П. Антироссийские экономические санкции как инструмент политического давления // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 1(35). С. 197-206.
13. Папазян А. Минимальное влияние максимальных санкций на внешнюю политику Российской Федерации // Российский совет по международным делам. 2023. №13. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/annaparazian/minimalnoe-vliyanie-maksimalnykh-sanktsiy-na-vneshnyuyu-politiku-rossii/?sphrase_id=143816746 (дата обращения: 02.09.2025).
14. Тимофеев И. Два года под санкциями: насколько эффективны введенные против России ограничения? // Российский совет по международным делам. 2024. №19. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dva-goda-pod-sanktsiyami-naskolko-effektivny-vvedennye-protiv-rossii-ogranicheniya/> (дата обращения: 01.09.2025).
15. Тимофеев И. Можно ли спрогнозировать санкции на 2024 год? // Российский совет по международным делам. 2024. №19. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mozhno-li-sprognozirovat-sanktsii-na-2024-god-da-vpolne/> (дата обращения: 01.09.2025).
16. Тимофеев И. Какие санкции вводились против России в 2023 году, и каким был их результат // Российский совет по международным делам. 2023. №17. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakie-sanktsii-vvodilis-protiv-rossii-v-2023-godu-i-kakim-byl-ikh-rezultat/> (дата обращения: 01.09.2025).
17. Тимофеев И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 2(59). С. 26-42.
18. Цыплаков С. Об основных трендах развития торговли России и Китая // Российский совет по международным делам. 2024. №5. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 05.09.2025).
19. Чанцзюнь Г., Колесов В.П. Потенциал взаимной торговли Китая и России в области высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности // Мир новой экономики. 2022. №16. С. 96-103.
20. Шарова А.Ю. Влияние санкций на экономику стран, не имеющих выхода к морю (на примере ЦАР и Мали) // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. №48. С. 49-63.
21. Chabarovskaya, N. (2025) Going Steady: China and Russia's Economic Ties are Deeper than Washington Thinks. Cepa, 1. Retrieved September 3, 2025, from <https://cepa.org/comprehensive-reports/going-steady-china-and-russias-economic-ties-are-deeper-than-washington-thinks/>
22. General administration of customs people's Republic of China. Customs data of China's trade with the Russian Federation. Retrieved September 5, 2025, from <http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html>
23. Jeremy, K., & Chitao, Y. (2024). Reinforcing inequalities: A critical examination of international sanctions and bureaucratic decline in the Global South. Research in Globalization, 9. <https://doi.org/10.1016/j.resglo.2024.100112>

24. John, C. K. (2024). Russia's Fiscal Dependence on China Grows. *Eurasia Daily Monitor*, 21. Retrieved September 3, 2025, from <https://jamestown.org/program/russias-fiscal-dependence-on-china-grows/>
25. Kommersant. (n.d.). Rossiia i Kitai dogovorilis' razvivat' sviazi po mimomu atomu [Russia and China agreed to develop ties on the peaceful atom]. Retrieved September 6, 2025, from <https://www.kommersant.ru/doc/8007547>
26. National'noe agrarnoe agentstvo [National Agrarian Agency]. (n.d.). Rossiia za 7 mesiatsev uvelichila eksport sel'khozproduksii v Kitai na 10% [Russia has increased exports of agricultural products to China by 10% in 7 months]. Retrieved September 6, 2025, from <https://rosng.ru/post/rossiya-za-7-mesyacev-uvelichila-eksport-selkhozprodukcii-v-kitay-na-10>
27. OPEC. (n.d.). OPEC launches Annual Statistical Bulletin. Retrieved September 2, 2025, from https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6632.htm
28. Pala, T. (2021). The Effectiveness of Economic Sanctions: A Literature Review. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 14, 239-259.
29. Peter, D., Sumit, J., & Saber, M. (2024). Alliance formation in a multipolar world. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 223, 248-277.
30. RBC. (n.d.). Podnebesnye tekhnologii: kakie proekty Rossiia razvivaet vmeste s Kitaem [Celestial technologies: what projects Russia is developing together with China]. Retrieved September 6, 2025, from <https://trends.rbc.ru/trends/industry/665439809a7947f47f2527e2?from=copy>
31. RBC. (n.d.). SShA prigrozili sanktsiiami Kitaia za podderzhku rossiiskogo OPK [The US threatened China with sanctions for supporting the Russian defense industry]. Retrieved September 7, 2025, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/665a68869a7947650967ae22>
32. Ribakova, E. (2025) China-Russia Cooperation: Economic Linkages and Sanctions Evasion. *Letter from America*, 60, 135-136.
33. Simola, H. (2025) Russia's ever-increasing economic dependence on China. *BOFIT Policy Brief*, 10, 15 pp.
34. TASS. (n.d.). Istoriia rossiisko-kitaiskikh ekonomicheskikh otnoshenii [The history of Russian-Chinese economic relations]. Retrieved September 6, 2025, from <https://tass.ru/info/17815083>
35. TASS. (n.d.). Rossiia i Kitai rasshiriat sotrudnichestvo v oblasti atomnoi energetiki [Russia and China will expand cooperation in the field of nuclear energy]. Retrieved September 6, 2025, from <https://tass.ru/ekonomika/17845245>
36. Trading Economics. (n.d.). Uroven' inflatsii v Irane [Inflation rate in Iran]. Retrieved September 2, 2025, from <https://ru.tradingeconomics.com/iran/inflation-cpi>
37. D-Russia. (n.d.). SShA dobivaiutsia ot Iuzhnoi Korei ogranichenii na postavki chipov v Kitai [The US is seeking restrictions from South Korea on the supply of chips to China]. Retrieved September 2, 2025, from <https://d-russia.ru/ssha-dobivajutsja-ot-juzhnoj-korei-ogranichenij-na-postavki-chipov-v-kitaj.html>

Sanctions Pressure and Its Consequences for Russia-China Economic Cooperation

Zhong Lin

Doctor of Economic Sciences,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: laccier@163.com

Abstract

This article is dedicated to a review of literature, official consolidated data and statistics, as well as reports and papers that allow for revealing the essence of modern Russia-China economic cooperation within the paradigm of sanctions pressure. The impetus for writing this work was the persistent Western expert and doctrinal discourse allegedly claiming that Russia's turn to China after the imposition of sanctions is a success of the sanctions pressure, as in the medium and long term Russia will become a raw materials appendage of China, which will ultimately weaken the position of the Russian economy. Based on a plurality of approaches and official empirical data, we have concluded that at the current stage, Russia-China relations in the context of Western sanctions

Zhong Lin

pressure have been forced to develop closely not so much in the plane of integrating the economies of these countries to ensure joint national interests, but rather in the paradigm of a deeper model of pragmatic symbiosis, implying the interdependence of politics and economics and vice versa. Such a model of economic cooperation between Russia and China today is not merely mutual economic development in their own interests but an opportunity integrated into international politics to influence the existing world order of hegemony and unipolarity, which is experiencing a crisis. Russia and China hold adjacent positions regarding the confrontation with Western hegemony in the spheres of politics, trade, and the financial-regulatory system, intending to jointly build the prerequisites for constructing a multipolar world in which the possibility of selective and sudden sanctions pressure to realize the geopolitical ambitions of an individual state, or their alliance, is simply unacceptable. And, paradoxically, it is precisely the experience of sanctions pressure from Western countries and their allies against Russia that has become a key step not only for strengthening and qualitatively changing the economic cooperation between China and Russia but also a starting point for changing the world order, in particular, the existing paradigm of trade, currency, and other related relations.

For citation

Zhong Lin (2025) Santsionnoye davleniye i yego posledstviya dlya ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya [Sanctions Pressure and Its Consequences for Russia-China Economic Cooperation]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (12A), pp. 179-197. DOI: 10.34670/AR.2026.45.98.017

Keywords

Hegemony, unipolarity, multipolarity, sanctions, sanctions pressure, import, export, trade turnover, trade dynamics, investments, international relations, foreign trade.

References

1. Agababaev, M. S. (2023). Yuzhnaia Koreia i Taiwan kak chast' amerikanskogo sanitarnogo kordona v Azii [South Korea and Taiwan as part of the American sanitary cordon in Asia]. In *Dostizheniia v nauke i obrazovanii 2023: sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Penza, 10 aprelia 2023 goda* (pp. 55–58). Nauka i Prosveshchenie.
2. Aliev, M., Siao, Iu., & Riazanova, S. (2024). *Mekhanizmy dedollarizatsii KNR v ramkakh strategii internatsionalizatsii iuania* [Mechanisms of dedollarization of the PRC within the framework of the strategy of internationalization of the yuan]. Rossiisko-kitaiskii nauchno-issledovatel'skii tsentr sifrovoy ekonomiki.
3. Chabarovskaya, N. (2025) Going steady: China and Russia's economic ties are deeper than Washington thinks. *Cepa*, 1. <https://cepa.org/comprehensive-reports/going-steady-china-and-russias-economic-ties-are-deeper-than-washington-thinks/>
4. Changdzhun, G., & Kolesov, V. P. (2022). Potentsial vzaimnoi trgovli Kitaia i Rossii v oblasti vysokotekhnologichnoi produktsii obrabatyvaiushchei promyshlennosti [The potential of mutual trade between China and Russia in the field of high-tech manufacturing products]. *Mir novoi ekonomiki*, 16, 96–103.
5. Gedgafov, M. A., & Vasil'ev, P. P. (2024). Sanktsii kak tochki rosta dlia razvitiia deiatel'nosti malogo i srednego predprinimatel'stva [Sanctions as growth points for the development of small and medium-sized businesses]. *Innovatsionnaia nauka*, 4, 84–87.
6. General Administration of Customs of the People's Republic of China. (n.d.). *Customs data of China's trade with the Russian Federation*. <http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html>
7. Jeremy, K., & Chitao, Y. (2024). Reinforcing inequalities: A critical examination of international sanctions and bureaucratic decline in the Global South. *Research in Globalization*, 9. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590051X24000674>
8. John, C. K. (2024). Russia's fiscal dependence on China grows. *Eurasia Daily Monitor*, 21. <https://jamestown.org/program/russias-fiscal-dependence-on-china-grows/>

9. Karpilena, N. V. (2020). O printsipakh mezhdunarodnykh otnoshenii i posledstviakh narusheniia bazovogo iz nikh - balansa sil na voennuiu bezopasnost' soiuznogo gosudarstva [On the principles of international relations and the consequences of violating the basic one - the balance of forces on the military security of the union state]. *Arkhot*, 3(18), 42–59.
10. Kirillova, O. V. (2022). Osobennosti ekonomicheskogo dialoga Rossii i Kitaa [Features of the economic dialogue between Russia and China]. *Sovremennye ekonomicheskie protsessy*, 1, 30–39.
11. Klinova, M., & Sidorova, E. (2024). Ekonomicheskie sanktsii i ikh vliianie na khoziaistvennye sviazi Rossii s Evropeiskim soiuзом [Economic sanctions and their impact on Russia's economic relations with the European Union]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 67–69.
12. Komersant. (n.d.). *Rossia i Kitai dogovorilis' razvivat' sviazi po mirnomu atomu* [Russia and China have agreed to develop ties on the peaceful atom]. <https://www.kommersant.ru/doc/8007547>
13. Kulintsev, Iu. V. (2021). Strategiiia «dvoinoi tsirkuliatsii» i ee vliianie na rossiisko-kitaiskie otnosheniia [The strategy of "double circulation" and its impact on Russian-Chinese relations]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriiia i sovremennost'*, 26, 242–255.
14. Kurochkina, B. (2022). Naskol'ko opyt Venesuely v preodolenii sanktsionnogo davleniia možno schitat' uspeshnym? [To what extent can Venezuela's experience in overcoming sanctions pressure be considered successful?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 10. <https://russiancouncil.ru/blogs/b-kurochkina/naskolko-opyt-venesuely-v-preodolenii-sanktsionnogo-davleniya-mozhno-s/>
15. Liubovtseva, E. G., & Gordeeva, I. A. (2022). Vliianie sanktsii na razvitie ekonomiki rossii: vozmozhnosti i ogranicheniia [The impact of sanctions on the development of the Russian economy: opportunities and limitations]. *Oeconomia et Jus*, 3, 8–14.
16. L'vova, A. O. (2022). Politicheskii krizis v Venesuele: ekonomicheskie posledstviia i vozmozhnye puti resheniia [The political crisis in Venezuela: economic consequences and possible solutions]. *Kronos*, 64, 42–46.
17. Mikhaleva, M. V. (2022). Vliianie sanktsii na rossiiskuiu ekonomiku [The impact of sanctions on the Russian economy]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 52, 1080–1083.
18. Mishchuk, A. S., & Shevel', P. P. (2021). Antirossiiskie ekonomicheskie sanktsii kak instrument politicheskogo davleniia [Anti-Russian economic sanctions as an instrument of political pressure]. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*, 1(35), 197–206.
19. Natsional'noe agrarnoe agentstvo. (n.d.). *Rossia za 7 mesiatsev uvelichila eksport sel'khozproduksii v Kitai na 10%* [Russia increased exports of agricultural products to China by 10% in 7 months]. <https://rosng.ru/post/rossiya-za-7-mesyacev-uvelichila-eksport-selkhozprodukcii-v-kitay-na-10>
20. OPEC. (n.d.). *OPEC launches Annual Statistical Bulletin*. https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/6632.htm
21. Pala, T. (2021). The effectiveness of economic sanctions: A literature review. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 14, 239–259.
22. Papazian, A. (2023). Minimal'noe vliianie maksimal'nykh sanktsii na vneshnuiu politiku Rossiiskoi Federatsii [The minimal impact of maximum sanctions on the foreign policy of the Russian Federation]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 13. <https://russiancouncil.ru/blogs/anna-papazian/minimalnoe-vliianie-maksimalnykh-sanktsiy-na-vneshnyuyu-politiku-rossii/>
23. Peter, D., Sumit, J., & Saber, M. (2024). Alliance formation in a multipolar world. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 223, 248–277.
24. RBC. (n.d.). *Podnebesnye tekhnologii: kakie proekty Rossii razvivaet vmeste s Kitaem* [Celestial technologies: what projects Russia is developing together with China]. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/665439809a7947f47f2527e2?from=copy>
25. RBC. (n.d.). *SShA prigrozili sanktsiiami Kitaiku za podderzhku rossiiskogo OPK* [The United States has threatened China with sanctions for supporting the Russian defense industry]. <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/665a68869a7947650967ae22>
26. Ribakova, E. (2025) China-Russia cooperation: Economic linkages and sanctions evasion. *Letter from America*, 60, 135–136.
27. Sharova, A. Iu. (2019). Vliianie sanktsii na ekonomiku stran, ne imeiushchikh vykhoda k moriu (na primere TsAR i Mali) [The impact of sanctions on the economies of landlocked countries (on the example of the Central African Republic and Mali)]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, 48, 49–63.
28. Simola, H. (2025) *Russia's ever-increasing economic dependence on China* (BOFIT Policy Brief, 10). Bank of Finland.
29. TASS. (n.d.). *Istoriiia rossiisko-kitaiskikh ekonomicheskikh otnoshenii* [The history of Russian-Chinese economic relations]. <https://tass.ru/info/17815083>
30. TASS. (n.d.). *Rossia i Kitai rasshriat sotrudnichestvo v oblasti atomnoi energetiki* [Russia and China will expand cooperation in the field of nuclear energy]. <https://tass.ru/ekonomika/17845245>
31. Timofeev, I. (2018). Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe poniatie [Economic sanctions as a political concept]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2(59), 26–42.

32. Timofeev, I. (2023). Kakie sanktsii vvodilis' protiv Rossii v 2023 godu, i kakim byl ikh rezul'tat [What sanctions were imposed against Russia in 2023, and what was their result]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 17. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakie-sanktsii-vvodilis-protiv-rossii-v-2023-godu-i-kakim-by-l-ikh-rezultat/>
33. Timofeev, I. (2024). Dva goda pod sanktsiiami: naskol'ko effektivny vvedeniye protiv Rossii ogranicheniia? [Two years under sanctions: how effective are the restrictions imposed on Russia?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 19. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dva-goda-pod-sanktsiyami-naskolko-effektivny-vvedeniye-protiv-rossii-ogranicheniya/>
34. Timofeev, I. (2024). Mozhno li sprognostirovat' sanktsii na 2024 god? [Is it possible to predict sanctions for 2024?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 19. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mozhno-li-sprognostirovat-sanktsii-na-2024-god-da-vpolne/>
35. Trading Economics. (n.d.). *Uroven' infliatsii v Irane* [Inflation rate in Iran]. <https://ru.tradingeconomics.com/iran/inflation-cpi>
36. Tsyplakov, S. (2024). Ob osnovnykh trendakh razvitiia torgovli Rossii i Kitaia [On the main trends in the development of trade between Russia and China]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 5. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/>
37. D-Russia. (n.d.). *SShA dobivaiutsia ot Iuzhnoi Korei ogranichenii na postavki chipov v Kitai* [The United States is seeking restrictions from South Korea on the supply of chips to China]. <https://d-russia.ru/ssha-dobivajutsja-ot-juzhnoj-korei-ogranichenij-na-postavki-chipov-v-kitaj.htm>